

Полина Корицкая

САМОКРУТКИ

Интернациональный Союз писателей

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
К23

Корицкая, Полина

К23 Самокрутки / П. Корицкая. – Москва : Интернациональный Союз писателей, 2019. – 160 с.

ISBN 978-5-906784-82-7

О чем эта книга? О памяти. О странном мире, где наравне с реальными людьми соседствуют неведомые Жабы, Метруни и Шибаловщины. О людях, которые вдруг оказываются Недотрашками, Дурачками и Буратинами — и сами о том не подозревают. Из страницы в страницу шагает загадочный Василиск, волоча за собой не хвост, а гигантский кофр, и тихо-тихо за ним следует героиня «Самокруток». Идет, сверяясь с картами и документами, разговаривая с котами и домами... А что ей еще остается делать? Ведь никто не знает, есть ли выход из темной пещеры, как доехать автостопом до Радуги и откуда у птицы грешки. И сквозь невнятицу неожиданно проступает мудрость, за испугом прячется любовь, из мутной грязи вырастает вера. «Потому что в мире все всегда правильно. Правильно и гармонично».

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-906784-82-7

© Полина Корицкая, 2019
© Интернациональный Союз писателей, 2019

Раскрывая хьюмидор¹

Все удивительные воспоминания хочется вынуть из головы и положить в нагрудный карман. И вовсе не потому, что так ближе к сердцу. Просто до кармана проще дотянуться, чтобы нащупать там нужное и показать кому-то. Взять да и подойти к первому встречному, слегка приоткрывая ладони — мол, смотри...

— Смотри, что у меня есть!

А тот, случайный, удивится, рассмеется, ну надо же, скажет, ты счастливчик! Да, улыбаешься ты, счастливчик, и снова сжимаешь ладони.

Но не так-то просто носить воспоминания все время с собой. Лишь на первый взгляд они кажутся маленькими и словно невесомыми, но если попытаться оторвать их от земли... Экая тяжесть! — куда проще остаться тут же, при этих неподъемных чемоданах собственной памяти — сесть на них да так и не сдвинуться дальше.

Мимо идут люди. Этот мужчина в белом пиджаке с огромным чемоданом, похожим на кофр, от которого по земле тянется бурая полоса, — натуральный конь с телегой. Еле тащится, мучится одышкой, но везет. Он уверен, что засеивает поле, и это было бы правдой, если бы не гнилые семена. А та женщина в черном несет только ручку от сумки: поклажа давно оторвалась под собственным весом, но она не хочет это признавать. Она медленно идет и аккуратно держит ручку — так, будто та заполнена водой.

¹ Для справки по заголовкам см. «Краткий словарь табаковеда» в конце книги.

Вот странно одетая тетка с большим рюкзаком на плечах. Из него постоянно что-то вываливается, а она, не обращая на это никакого внимания, ежеминутно находит на дороге какую-то новую необходимость и не глядя бросает в рюкзак. О, смотри, выпал хороший на вид мужчина и убежал. Тетка посмеялась и пошла в противоположную сторону, прибавив шагу.

А этот человек упал на свои вещи ничком и лежит. На его плечах — следы от жестких ручек, а ноги неестественно вывернуты.

Надо идти.

Но как унести этот груз? Ты раскрываешь чемодан, смотришь внутрь... Все воспоминания свалились в один большой ком. Интересно, думаешь ты, а эти люди раскрыли свою память хотя бы раз за столько лет?

И ты отламываешь от кома кусок, а он прямо в пальцах вдруг рассыпается... Все, что было так дорого, так важно, бежит сквозь пальцы, и очень страшно позволить ему сбежать. Все, что было когда-то материальным, твердым, существенным, теперь даже не песок, а так — дрянь какая-то. Табак пересушенный. Тогда ты собираешь воспоминания по щепотке и закручиваешь их в папиросную бумагу. И со смехом замечаешь, что получились натуральные самокрутки, какие курил, быть может, твой дедушка. Ни дать ни взять настоящий самосад в обрывках совковой газеты.

Я скручиваю, и все оживает — оживают улицы, дома, начинают разговаривать коты, и я их понимаю, а они понимают меня.

Я скручиваю, и обидно, когда слишком тонкая бумага рвется, когда то, что в центре, просыпается наружу, а потом чего-то не хватает, понимаешь? Чего-то важного недостает.

Я скручиваю, и они выходят такими разными и неуклюжими, ведь специальной машинки по скрутке воспоминаний у меня нет.

САМОКРУТКА ПЕРВАЯ

Козья ножка

Сначала была Шибаловщина. Никто не может ни понять, ни вспомнить, ни тем более объяснить, откуда она взялась. Просто однажды воздух в Квартире сгустился, что-то тихонько щелкнуло, и опа! — на тебе, лежит. Синяя, дырявая, вонючая, словом — домашняя. Как тапки, в которые Рыжий наложил. Впрочем, я попробую восстановить цепочку событий и разобраться, откуда взялось это чудо.

Мысль — она, как вы знаете, материальна. Но ведь кто-то должен подумать ее, эту мысль. А кому ее думать, если Квартира пуста?..

Квартира живет под самой крышей, на пятом этаже. Голову ей летом печет солнце, зимой заваливает снегом так, что уши примерзают к водосточным трубам. За шиворот ей залетают голуби и гадят. В нутре живут пауки и тараканы, потому что прошлые хозяева бросили Квартиру, даже не смахнув хлебные крошки со стола.

Ну вот, вы уже, наверное, думаете: враки! Кто бросит жилплощадь в таком престижном районе столицы? Да, ее действительно не просто оставили, а решили сдавать.

Хозяйку Квартиры звали Муза, как любимую собаку Литературного института.

Но я сомневаюсь, что Муза могла выдумать что-то такое, что материализовалось бы в Шибаловщину. Для этого должен был появиться Шибалов собственной персоной, не иначе.

Откуда взялся здесь Валентин Шибалов, никто не помнит, не понимает и не в силах объяснить. Логично думать, что он появился до Шибаловщины. Хотя это вопрос довольно спорный — что было сначала: яйцо или курица.

Есть предположение, что Валька там прямо и родился. Уже бородатый, толстый и сразу на унита-зе. Да, возможно, после своего рождения он спря-тался за сливной бачок и рос там потихоньку, пока не пришла Олька Владовна и не начала выметать оттуда всякий мусор. Шибалов оказался мусором самым приятным, а при ближайшем рассмотрении вовсе даже и не мусором, а весьма упитанным муж-чиной «в самом расцвете сил». Владовна как увиде-ла это чудо грязнящее да лохматящее, так и зарде-лась вся. И ну его мочалками шоркать! И чем больше шоркала, тем больше рдела.

Олька Владовна, собственно, и начала первой снимать Квартиру. А Валька, даже если он в ней и уродился, все равно сделал это, не оплатив гос-пошлину. Поэтому Хозяйкой стала Волька, как ласково звал ее Шибалов.

Так Квартира стала Домом. Веселым, теплым и гостеприимным.

А как же может Дом жить без кошки? Да лег-ко! Вот без кота уже сложнее. Поэтому появился

Рыжий. Он родился из большого Олькиного рюкзака. Судя по содержимому рюкзака (а лежали там обычно дудки, ноты, книжки да листочки), Рыжий — дитя Таланта.

Этот кошак умудрялся гадить в такие места, в какие не ступала даже тараканья лапка. Потому что он был очень умный и на самых важных местах хотел оставить свой автограф.

Откуда взялась там я? Волька говорит, что от сырости завелась. Просто Рыжий однажды оставил автограф на одном из матрасов, и с тех пор тот ни разу нормально не просох. До сих пор воняет, можете сами у Ольки спросить.

* * *

На нашей кухне были старенькая газовая плита и еще более древняя газовая колонка. Я до сих пор вздрагиваю, вспоминая эту конструкцию. Сначала я долго училась ей управлять, но однажды спросонок перепутала порядок действий — колонка пыхнула ярким пламенем и опалила мне ресницы. Зато у нас всегда была горячая вода.

Конечно, на кухне был стол. Кажется, письменный. В одном из его ящиков стояла банка с выдавшим виды табаком. Периодически окурки из переполненной пепельницы сортировались — бычки получше в одну кучку, похуже — в другую. Те, что подлиннее да посохранинее, потрошились, табак ссыпался в специально отведенную для этого банку — ту самую, фильтры складывались отдельно. Ску-

ренные «в ноль» отправлялись в мусор. Табак некоторое время просушивался, иногда в него нарезалось яблочко или два, для вкуса. Позже из этого табачка с добавлением фильтра мы лепили самокрутки. Еще бумага была специальная.

Вообще фигня, конечно, получалась, особенно если табак не до конца просох. Но когда денег не было, а курить хотелось, это спасало.

* * *

Прямо под нашей Квартирой, этажом ниже, жила одна милая женщина. Имени ее я, к сожалению, не помню. А может, никогда его и не знала. Это вовсе ни к чему, если называть человека как-то особенно. Она была очень особенной, и любя мы звали ее Недотрашка.

Нравом она отличалась игривым. То бралась среди ночи молотком в дверь колотить, после чего на бедняге оставались приличные вмятины. То жаловалась, что кот наш слишком громко топает. А однажды настойчиво посоветовала приклеить на наши тапки по прокладке, чтобы мы тише ходили. А лучше — сидели. И желательно не шевелясь.

Был у нее сын. Худенький такой, глаза тоскливые. Прямо жалко его. Но что поделать — без крыши парень, без башни в смысле. Дурачок, в общем. И очень он по крыше своей тосковал, и сильно найти ее пытался, узнать — не она ли, не его ль?

Решил раз Дурень, что крыша горячо любимой нами Квартиры — та самая и есть. Кумекать стал, как бы на законное место ее возвратить.

День Дурак думал, два, а на третий рассудил так: вот, дескать, дождик идет когда, фундамент дома подмывает, и тот начинает проседать. И совсем просто будет до милой крыши дотянуться! Но ждать погоды от природы — ненадежное занятие. Надо брать ситуацию в свои руки. И вот пошел Дурачок в садово-леечный магазин и купил себе большую лейку.

День-деньской сидел он у подъезда и лил воду под ноги дома. В глазах его светилась неясная надежда, все ждал, когда крыша до земли опустится, а он возьмет большой тортовый нож и отрежет себе кусок шифера. Приладит вместо шляпы к голове, и мир вокруг изменится: он станет умным, луна всегда будет растущей, бездомные собаки — сытыми, а мама — красивой.

А Недотрашка носила вниз огромные лязгающие ведра, полные ржавой воды. О бедро билась банка с грибным супом, обмотанная вафельным полотенцем. Она шла и ворчала себе под нос. Мол, что за жизнь — хлеб в «Перекрестке» опять не пропеченный и соседский кот всю ночь спать не давал. Что за люди, нет бы тихо сидеть.